

Крас. звезда. - 1994. - 13 апр.

Евгений МАТВЕЕВ:

ПРЕДПОЧИТАЮ ЖИТЬ ПО СОБСТВЕННОЙ СОВЕСТИ

ИЗВАННЫЙ
ГОСТЬ

роничный, едкий до беспощадности в своих эссегах на коллег-актеров Валентин Гафт нашел для моего собеседника совсем иные слова. Он подарил ему томик своих творений с таким вот посвящением: "Самому красивому, самому обаятельному, самому нежному, самому сильному суперактеру мирового кино, с уважением и завистью от вечного поклонника, с восхищением и любовью".

"Самый-самый" — это народный артист СССР, лауреат Государственных премий Евгений Семенович Матвеев. Он же Макар Нагульнов из "Подвигот целины", он же командир Сорокин из "Хожения по мукам", князь Нехлюдов из "Воскресения", Шановалов из "Высокого звания", Захар Дерюгин из дилогии "Судьба" и "Любовь земная", Кириллов из "Особо важного задания".

Он обладатель почетного знака "Отличник культурного шефства над Вооруженными Силами СССР" и сам словно скопирован из военной кисточки, а точнее, прочной кости, исколесив с концертами гарнизоны Севера, Средней Азии, Сибири. Его слышали первооткрыватели Казахстана и Алтая, первопроходцы БАМа. В числе первых мастеров нашей культуры артист бродил в пекло Чернобыля, чтобы подставить страждущим свое мужское плечо. И в этом, пожалуй, Матвеев среди своих героев. Не привыкшим отступать. И не склонившим головы.

— Евгений Семенович, поделюсь воспоминаниями из детства. Вместе с отцом-офицером исколесил немало гарнизонов. И вот что запомнил: на ваши фильмы армейский люд всегда шел целыми семьями. Так и говорили — "на Матвеева". Роли-то все больше военные, близкие, стало быть. Знаю, что и вы носили офицерские погоны, не знаю лишь, когда надели?

— В 41-м и надел. Пошел на войну студентом киевской школы киноактера. Точнее, не пошел, а рванул. Такой настрой был у ребят моего поколения. А поскольку по тем временам я считался человеком достаточно образованным, то определили меня в курсанты 1-го Тюменского пехотного училища. Курс подготовки ускоренный. Время обжигало! Я все время ощущал, что народ уже воюет, а я в тылу. Потому и учился с каким-то дьявольским остервенением, если хотите, фанатизмом. Что и заметили командиры. И по выпуску меня, лейтенанта, оставили в училище. Курсовым офицером. И понял я в одночасье: если не научу хлопцев военному делу, если погибнут они в бою по неумению, по недостаточной моей командирской самоотдаче, — ляжет на меня великий грех. Дневал и ночевал во взводе, со строевой — на стрельбу, со стрельбы — на тактические занятия. И очень гордился — лучшим стал мой взвод. А сам рвался на фронт. Мне начальник училища: "Ты сколько рапортов написал?" Я: "Пять!" "А у меня и по десять имеется, вот и уймись, не велит Верховный учебными кадрами разбрасываться". Уже и война-то кончилась, а меня все увольнять не хотели. Пришлось хлопотать наставникам моим — Довженко и Корнейчуку, авторитет у них, мастеров нашей культуры, был высок. Когда стал артистом, душа требовала поделиться с современниками любовью к военному человеку. Через образы солдат и офицеров. Я себя в запас не увольняю.

— К слову, в 74-м году вы и удостоились Государственной премии именно "за создание образа современников". Как ни горько это сознавать, но в условиях нынешнего размежевания общества само понятие "современник" потеряло свою собирательность. Да и какие наши черты сегодня собирать? Вы считаете, мы стали другими?

— Ох, и больной же вопрос. Мы дружно, "по-перестроечному" возопили: долгой соцреализм и, как уже не раз бывало, выплеснули с водой и ребенка. Взяли и вышвырнули с экрана, со сцены, из песен человека нравственного, тянущегося к светлому идеалу, к правде, к оптимизму. Из каких героев получили в сладком дурмане "творческой свободы"? Наркоманов? Проституток? Рэкетиров? Нуворищей? Достойная компа-

ния! И это в кинематографе, снимавшем себе в недавнем прошлом всемирную славу! Как все просто: не нужен нам положительный герой — и вся недолга. Разогнали пионерские лагеря, комсомол, добрались и до детских садов, которые уже и не на что содержать. Сегодня трудно и найти-то духовно здорового человека. И армии мы поставляем частенько, извините, шлак. Я отнюдь не ретроград, я обеими руками за реформы. Но разумные, имеющие под собой ясную цель.

— Назад к коммунизму?
— А что под ним понимать? Заверения Хрущева, который собирался облагодетельствовать "нынешнее поколение советских людей"? Коммунизм остается для меня символом веры в прекрасный людской идеал. Сродни веры в Христа. А кто отнимет у человека веру в идеал? В те самые десять библейских заповедей, которые по сути и вошли в моральный кодекс строителей коммунизма.

— Думаете, есть смысл опять собирать подобных "верующих" под знамена партии?

— Ну уж нет. Любых партий сторонюсь. И знаете почему? Рано или поздно всякая партия создает свою иерархическую надстройку, свою бюрократию, рвущуюся к власти. Вновь коррупция, немеренные аппетиты у дармовой кормушки, вновь разложение и тлен. Предпочитаю жить по собственной совести.

— Но вернемся к вашим кинообразам. Как вы считаете, есть ли сегодня общественная потребность в людях, подобных Шановалову, Дерюгину и иже с ними? Может быть, они и ушли с экрана как раз потому, что время призвало иные типаж — людей хватких, предприимчивых, деловых, прагматичных, расчётливых...

— С экрана мои герои не ушли. Они просто смыты с палубы нашего кинокорабля волной конъюнктуры. Одним махом. Но в жизни то они остались. А вот в искусстве — невостребуемы. Это очень гордые и красивые, очень чистые и ранимые люди. И потому замкнулись в себе, как в скорлупе. Во многом они невостребуемы и обществом, хотя нужны ему сегодня как никогда. У моего Захара Дерюгина всего лишь четыре класса образования, но подобных ему я встречаю сегодня среди академиков, инженеров, врачей, крестьян, военных. Для меня они — словно инъекция бодрости, энергии, силы. Люди, подобные Шановалову и Дерюгину, переживают глубокую личную драму, считая себя лишними. Иные срываются с мест и ищут себе применение на Западе. Это трагедия. Но я не осуждаю таких "переселенцев". Раньше осуждал, негодовал, клеймил. Теперь — нет. Жизнь человеческая невероятно скоротечна. Надо спешить самореализоваться.

— Но вы-то успели. Дома. В России.

— А куда я денусь без нее? Без родимых глаз людей, которые излучают любовь ко мне при каждой встрече. Я ведь человек дороги, постоянно в пути по большим и малым городам России. Но испытываю, как говорит молодежь, особый кайф, бывая в российской глубинке. Люди сохранили там чистоту и искренность, душу, не подверженную коррозии. Они словно излучают свет, когда на сцену выходят их любимые артисты. ЖENSEM недавно вместе с Георгием Жженовым и Аллой Ларионовой мы посетили села Саратовской области. Незабываемые встречи! Старики подходили к рампе со слезами на глазах и вопрошали: где же наше славное кино, куда подевались ваши герои? В одном из клубов я заметил пожилую женщину, которая смотрела на меня с невыразимой тоской в глазах. Подхожу, спрашиваю: "Что с тобой, милая?" А она мне в ответ: "Ох, Семеныч, лучше б я тебя не видела, ты уж, пожалуйста, не старей". Думала, увидит молодого, а чего нема, того нема. Меня это развеселило и растрогало. От таких встреч и молодое. Слово идет переливание крови.

— Поразительная вещь, Евгений Семенович: среди ваших героев нет людей благополучных. Все они — страдальцы, тянущиеся к свету, независимо от социального положения, все живут на взрыве страстей, в невероятной динамике. В них — словно сколки с судьбы самой России, в которой страдание и поиски нравственного идеала уже стали ментальностью.

— Я и в жизни не приемлю людей равнодушных. Она, жизнь, была и есть преодолением препятствий в независимости от формации, вечным движением через борьбу с собственным несовершенством, пороками общества. Для меня

неинтересен человек сидящий, а вот бегущий, летящий — это да, это мой герой. Да и сама жизнь человеческая, повторюсь, подобна мгновению, блеску молнии. И если промчатся по уготованному тебе пути не обжигаясь, то зачем жить? Да, мои герои страдают, но остаются при этом людьми веры, мощной энергии оптимизма.

— А разве сами вы не такой? При всей критичности вашего взгляда на нынешнее наше бытие вы всегда стремитесь найти в творческой палитре светлые краски, которые, увы, катастрофически иссякают у многих художников. Этот поиск — ваше кредо?

— В детстве я стал свидетелем первого трактора в нашем селе. Первой радиоточки. Первых мельтешащих фигурок на экране-простыне, когда к нам пришло кино. Я дышал воздухом немислимой новизны и оптимизма. Но я видал и плоды коллективизации, людей подобных шолоховским Давыдову и Нагульнову, видел и трагические эпизоды тотального раскулачивания. Поймите, это все краски нашей жизни. Светлые и темные. Но они наши, собственные, во всех изгибах многотрудной отечественной истории. Как можно художнику окунуть творческую кисть лишь в краску черную! Что, у нас не было любви, искренней веры, надежды, радости новизны? Как можно предавать прошлое, лгать самим себе?

— Вы упоминали Шолохова, которого иные критики пытаются превратить чуть ли не в энолога коммунизма, а его Давыдова и Нагульнова уравнивать с костоломами из НКВД.

— Чуть невернейшая! Это великий и, подчеркну, многогранный мастер оставил нам документальный портрет эпохи. С потрясающей художественной силой. Уж он-то лучше всех нас знал, что коллективизация, раскулачивание — горе, трагедия. У него строчки кровью сочатся. Ну какой из Нагульнова "энкавэдэшник"? Я по сей день счастлив, что сыграл его роль в кино, такое выпадает лишь раз в жизни. И сыграл так, что Шолохов как-то обронил на худсовет: дескать, Матвеев вывел Макара в герои, это не совсем верно — герой-то не он, а Давыдов. Но ведь Нагульнов, на мой взгляд, и выписан ярче. Это полифония красок в одном человеке. Это пламя, вулкан, который дышит огнем. У него свое понимание идеала. Посмотрите, каким он видит коммунизм: синее небо, море цветов, поющие и танцующие от счастья люди... Наивно и прекрасно.

— Помню, на знаменитом "революционном" пятом съезде Союза кинематографистов вашему актерскому поколению крепко досталось. И герои, дескать, у вас не те, слишком "красные", и сами вы, включая Матвеева, продукт своего времени...

— На фоне того, что все мы остались ныне у разбитого и разрушенного кинематографа, тот съезд видится мне отнюдь не революцией, а большой бедой. На пепелище дворца не построишь. Не в моих правилах переходить на личности, суть в другом: те, кто числил себя "прорабами", так ничего и не создали в искусстве, и получилось, иные высекали сами себя. А сегодня нет-нет да и позвонят: "Евгений Семенович, вернитесь в Союз, давайте забудем обиды". Но я ведь из Союза и не уходил.

— Вы и сегодня, насколько известно, на плаву. Готовитесь к съемкам новой ленты с довольно любопытным названием "Любить по-русски". Мелодрама?

— Нет, это из другой оперы. Сценарий написал Валентин Черных, знакомый по фильмам "Москва слезам не верит", "Любовь земная". Крепкий сценарист. Герой мой Мухин — из бывших секретарей обкома. Рухнула партия — и отправили его в почетную отставку, на дипломатическую работу. И вернулся он оттуда не под сень столичных огней, а к своим истокам, к сельской жизни, стал фермером. В фильме пересекаются судьбы сразу нескольких человек. Сложные, неординарные судьбы тех, кто не оторвался от своих корней. Один — из демобилизованных военных летчиков, другой — инженер. Любить по-русски — это опять-таки бороться. За любовь к женщине, к земле, Отечеству. Надеюсь все-таки фильм запустит, хотя и стою с протянутой рукой уже полтора года.

— Евгений Семенович, горько об этом говорить, но сегодня круто изменились и судьбы самих актеров старшего поколения. Некоторые из них словно отброшены на обочину жизни и попали в ситуации поистине трагические.

— Вы о Юматове?
— О нем. Не могу забыть его в "Педагогической поэме", "Офицерах", в ваших фильмах "Судьба" и "Особо важное задание". Вы были довольно близки. Весть о том, что он, фронтовик, совершил убийство, — потрясение для всех нас.

— Это отчаяние невостребованности. Это боль. Это крик. Я не могу подобрать других слов. Это и мое личное горе.

— Ваше отношение к "Красной звезде"?

— Как к лучшему другу. Вы не шархнулись ни "влево", ни "вправо". Вы честно доносите читателю боли и радости военного человека, стоите за него горой, бьете во все колокола, чтобы поддержать его в наше трудное время, не впадая в политизированные истерики. Это достойная позиция. И я протягиваю вам руку.

— Мы пожимаем ее. Спасибо.

Вал Беседу
Владимир КАУШАНСКИЙ,
Сергей УШАКОВ (фото),
"Красная звезда".